

Реформа или творчество?..

(Размышление надъ богослуженіемъ первыхъ христіанъ).

Это было въ давнопрошедшемъ. Нога не говорила: „я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука“ и ухо: „я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ“ (I Кор. XII, 16). Не было самоисключенія въ ущербъ интересамъ цѣлаго. Не было ни недооцѣнки личнаго положенія, ни переоцѣнки положенія другихъ. Ни глазъ, ни слухъ не претендовали на абсолютизмъ; не желали быть всемъ тѣломъ (ср. I Кор. XII, 17). Глазъ не говорилъ рукѣ: „ты мнѣ пенадобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны“ (XII, 21); не было взаимоисключающей нетерпимости. Въ единствѣ тѣла осознавали себя все его члены и потому „одинаково заботились другъ о другъ“, страждущему члену „все“ сострадали, а съ радующимся радовались (XII, 25 — 26). Миръ и единомысліе. А между тѣмъ на лицѣ были и аристократы тѣла и чернорабочіе его: такъ „Богъ расположилъ члены, каждый въ составѣ тѣла, какъ Ему было угодно“ (XII, 18): раздѣленія внѣ человѣческой воли и, если бы члены тѣла пытались перемѣниться своими положеніями, они имѣли бы противъ себя природу и Бога. Такъ въ природѣ тѣла. Между людьми возможны конфликты. Но тогда эта возможность не переходила еще въ дѣйствительность: раздѣленія религіозной природы мирствовали въ единствѣ взаимной любви, не ищущей своего (ср. XIII, 5). Чернорабочіе не могли не отмѣтить аристократовъ, ибо таковы они и по природѣ и по призванію сплюю Бога. Но, прежде чѣмъ почувствовать аристократизмъ своего ближняго, они уже обоняли благоуханіе его любви, созидающей интересы каждаго изъ нихъ. На любовь отвѣчали любовью. Улыбка

и поплѣлуй, слово и дѣло истинной любви, забывающей себя для всѣхъ, чтобы въ этомъ самозабвеніи найти себя, свою новую личность — личность любви, — вотъ чѣмъ созидалась общественная среда, вотъ чѣмъ опредѣлялись ея взаимоотношенія... Что-же это за общество, организованное аналогично человѣческому тѣлу и такъ далекое отъ своего историческаго продолженія? не идея-ли, которой не дано осуществиться?! — Послѣ проповѣди апостола Петра „охотно принявшіе слово его крестились, и присоединилось въ тотъ день душъ около трехъ тысячъ. И они постоянно пребывали въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ. Былъ же страхъ на всякой душѣ, и много чудесъ и знаменій совершилось чрезъ апостоловъ въ Иерусалимѣ. Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее: и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ по нуждѣ каждаго. И каждый день единовдушно пребывали въ храмѣ и, преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога и находясь въ любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагалъ спасаемыхъ къ Церкви“ (Дѣян. II, 41—47). Такъ учить исторія. Организациа, о которой мы говорили выше, фактъ. Идея, раскрываемая апостоломъ Павломъ, имѣетъ въ себѣ силу внутренней жизненной правды, а подъ собою историческую почву. Здѣсь — корень христіанскаго общества, христіанскаго государства: былъ, есть и будетъ. Исторія можетъ обрубить вѣтви, срубить самый стволъ, но она совершенно бессильна выкорчить самый корень: онъ всегда продолжаетъ жить своими внутренними соками — силою идей и выгоняетъ новые отростки, организуясь въ молодое социальное древо. Внутренняя мощь этой организациаи неодолима силами ада, ибо она есть мощь Христа Господа: Онъ созидаетъ ее, свою Церковь (Мф. XVI, 18), Онъ прилагаетъ къ ней спасаемыхъ (Дѣян. II, 47), Имъ она живетъ, движется и существуетъ (Дѣян. XVII, 28)... Жизнь и христіанство такъ близки другъ къ другу: одно въ другомъ: живемъ Христомъ и живемъ во Христѣ Иисусѣ (ср. Кол. III, 3). Тогда Христа не просматривали въ жизни. Вся жизнь была служеніемъ Христу, потому что вся она была служеніемъ любви: „Потому узнають всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Ин. XIV, 35). И ученики хорошо знали, что не любя ближняго не воз-

можно любить Христа Бога (ср. 1 Ин. IV, 20. 21): „Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ“ (1 Ин. IV, 16). Знали и любили, и потому каждое богослужебное собраніе первыхъ христіанъ было прежде всего богослуженіемъ любви, во имя которой собиралось и силою которой дѣйствовало первое христіанское общество: „они постоянно пребывали въ общеніи“. Общеніе прежде преломленія хлѣба и прежде молитвъ, общеніе, какъ послушаніе любви, которое и по практической морали восточнаго аскетизма больше поста и молитвы. Въ чемъ же выражалось общеніе первенствующихъ христіанъ?—Тогда любовь не умосозерцала, но дѣйствовала: „Всѣ-же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее; и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго“. Такъ поступали всѣ: апостолы, пророки, учителя, чудотворцы, врачи, благотворители, администраторы, глоссолаты и истолкователи ихъ, люди особыхъ благодатныхъ дарованій и идіоты въ лучшемъ смыслѣ этого слова: простецы, простолудины, свободные отъ порыва особаго вдохновенія, и при этомъ въ объемъ понятія „всѣ“ логикою любви включены: Іудси и Еллины, рабы и свободные—обезразличены національности, сглажены различія политическаго неравенства (ср. I К. XII, 28. 13. 10). Въ аналогіи тѣла христіанская любовь усмотрѣла планъ своего домостроительства и тяготѣла къ его реализаціи: „всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, Іудеи и Еллины, рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ“ (XII, 13).. Духъ Божій нѣкогда носился надъ хаосомъ. И вотъ—благоустройство вселенной. Носится Духъ Божій и надъ хаосомъ человѣческихъ противорѣчій и нестроеній, созидая Церковь спасаемыхъ, организуя въ ней единое тѣло единаго человѣчества. И кто почувствовалъ себя подъ животворнымъ дыханіемъ этой организаціи, тотъ въ объятіяхъ Бога любви, прилагается къ Церкви и не можетъ не любить, не можетъ не быть въ дѣйственномъ общеніи со всѣми: „Дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ“ (I К. XII, 25), „Богъ соразмѣрилъ тѣло, внушивъ о мѣлѣ совершенномъ большее попеченіе“ (24), и потому „члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе. И которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ

болѣе прилагаемъ попеченія. И неблагообразные наши болѣе благовидно покрываются“ (22—24). Есть гении и таланты и просто рядовые мыслители. И въ ихъ рядахъ многообразіе оттѣнковъ. Это въ области ума. Тоже и въ области морали и практической дѣятельности: есть менѣе совершенные и болѣе совершенные. И все это въ состояніи случайнаго колебанія: „если хочешь быть совершеннымъ, поиди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ“, услышалъ богатый юноша о совершенствѣ и не могъ вмѣстить его: „отошелъ съ печалью, потому что у него было большое имѣніе“ (Мѣ. XIX, 21—22). Практическая дѣятельность столь же многообразна, сколь и индивидуальна. На лицо различія отъ природы и Бога и различія отъ свободы человѣка. Уравненіе первыхъ невозможно, потому что противноестественно. Уравненіе же вторыхъ невозможно, потому что случайно. Невозможное въ условіяхъ природы возможно въ условіяхъ любви: отъ переполненной чаши гениевъ и талантовъ она переливается въ умы и сердца народовъ, подобно солнцу свѣтитъ въ окружающую среду, теплитъ и животворитъ своимъ дыханіемъ. На солнце этой дѣйственной любви и шли спасаемые въ Церковь. Подъ солнцемъ этой любви и совершалось богослуженіе первыхъ христіанъ. И было это богослуженіе прежде всего „общеніемъ“ любви—примиреніемъ социальнымъ и экономическимъ. И все это по слову Господа: „цари господствуютъ надъ пародами, и владѣющіе ими благодѣтелями называются; а вы не такъ: но кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій. Ибо кто больше, возлежащій или служащій? не возлежащій-ли? А я посреди васъ, какъ служащій“ (Лк. XXII, 25—27); „если Я Господь и учитель, умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу. Ибо Я далъ вамъ примѣръ, чтобы и вы дѣлали тоже, что Я сдѣлалъ вамъ“ (Ин. XIII, 14—15). Если Христосъ у ногъ Своихъ учениковъ, то и цари и всѣ спянные и великіе міра сего должны быть тамъ же, если они—христіане: быти начальствомъ въ служеніи смиренной любви и тѣмъ больше, чѣмъ больше ихъ власть и величіе, должны умывать ноги, если это въ обычаѣ гостепрѣимства, или дѣлать аналогичное этому великое дѣло любви, совершенствоваться по духу Христову: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отець вашъ Небесный“ (Мѣ. V, 48). „Если хочешь быть совер-

шеннымъ, пойдн, продай имѣніе твое и раздай нищимъ“ (Мѣ. XIX, 21). Любовь не терпитъ изолированности: она требуетъ быть всѣмъ вмѣстѣ, „имѣть все общее“ и „служить“ интересамъ цѣлаго. И если имѣнія и всякая собственность стояли на пути этихъ требованій, торжествующая любовь сметала ихъ съ своего пути, чтобы склониться къ нуждѣ каждаго „единого отъ малыхъ“ (Дѣян. II, 41 ср. Мѣ. XXV, 40—45), „единого отъ братіи“. Всѣ эти „малые“ не могли не имѣть „нѣчто“ (Мѣ. V, 23) на господствующихъ властью и на преобладающихъ капиталомъ, но сколько въ этомъ господствѣ и преобладаніи не было служенія любви по духу Христову; поэтому нужно было полное примиреніе между ними прежде евхаристіи и молитвъ, прежде принесенія благодарнаго дара Христу Богу, и оно, какъ свидѣлствуетъ книга Дѣяній, достигалось въ собраніи первенствующихъ христіанъ. Мы ничего не можемъ сказать о присутствіи на этомъ собраніи царей и князей: несомнѣнно присутствіе лишь князей новаго царства, святыхъ апостоловъ, и богатыхъ міра сего: первые въ роли смиренныхъ служителей любви* словомъ и дѣломъ, вторые въ роли добровольныхъ нищихъ, отказавшихся отъ собственности въ интересахъ новаго христіанскаго общества. Такъ примирялись противорѣчія, уравнивались неравенства жизни. Такъ собирались на молитву не двое или трое, но тысячи „во имя“ Христова (Мѣ. XVIII, 20).

Гдѣ это „общеніе“ въ современномъ богослуженіи? гдѣ это дѣйство имени Христова? гдѣ этотъ путь въ нерукотворенный храмъ живого Бога, гдѣ пребывающій „въ общеніи“ въ Богъ пребываетъ и Богъ въ немъ? гдѣ это богообщеніе, отъ котораго всѣмъ тепло, которое возбуждаетъ жизнерадостныя чувства и вдохновляетъ пѣть хвалу благодаренія Тому, въ Комъ пребываешь влеченіемъ любви? гдѣ это живое стремленіе *всѣмъ быть вмѣстѣ* и *имѣть все общее* во имя Христова?... Этотъ путь давно заросъ сорными травами, по нему давно уже не ходятъ на молитву христіане. Въ современный храмъ современные христіане идутъ каждый „своимъ“ путемъ изъ „своего“ уголка, творитъ „свою“ молитву, скорбитъ „своею“ скорбью и радуется „своею“ радостью и удаляется въ „свой“ уголокъ, измѣривая все и даже Божье благоволеніе въ интересахъ „личнаго“ благополучія, которое является живымъ нервомъ общенія во всѣхъ его формахъ:

семьи, общества и государства. *Не христианский* путь въ храмъ Христовъ и *не христианское* пребываніе въ немъ — вотъ печальный фактъ нашихъ дней, вотъ причина паралича общественной молитвы, вотъ объясненіе безжизненности современнаго богослуженія. Не исправивъ этого пути, не возвративъ ему первохристіанской чистоты, совершенно бесполезно говорить о реформѣ современнаго богослуженія: безъ этого никакая реформація не сдѣлаетъ его *общественнымъ* богослуженіемъ во имя Христова, тогда какъ въ этомъ — главная задача богослужебной реформы... А современныи храмъ? а современное богослуженіе? развѣ не рассчитано оно на то, чтобы быть общественнымъ? быть можетъ, спросятъ насъ. Къ тому и другому мы еще возвратимся: мы еще на пути въ Христовъ храмъ, и лишь постольку отвѣтимъ на этотъ возможный вопросъ. Мы входимъ въ храмъ. Но, вѣдь, не храмъ молится, а мы, переступившіе его порогъ. Храмъ не можетъ объединить христіанъ: онъ — символъ объединенія и въ него должны войти объединенные любовью во Христвъ Иисусѣ: это — домъ молитвы христіанской общины. Но что стало съ любовью и что осталось отъ общины? „Возлюбимъ другъ друга“ — вотъ весь порывъ любви въ современной литургіи. Да и порывъ ли? Не простой ли возгласъ, въ которомъ припимаютъ участіе діаконы, возглашающіи, ликъ, отвѣчающіи, да пресвитеръ, лобызаящій дискосъ, потиръ и престоль? Каждый занятъ по своему. Каждый исполняетъ положенную на его долю часть церковнаго обряда. Каждый молится по-своему или и совсѣмъ не молится. А народъ? а христіанская община? — Слушаютъ. Иные машинально крестятся, исповѣдуя единомысліемъ Отца и Сына и Святаго Духа. Но это единомысліе — чисто академическое, совершенно разобщенное съ жизнью каждаго изъ нихъ. Они исповѣдуютъ устами, а сердцемъ... любятъ себя и только себя и не любятъ другъ друга. И гложетъ призывъ къ любви. Тупо обрывается въ какой то пустотѣ. Звучитъ архаизмомъ въ ухахъ мыслителя. Даже безъ звонкаго резонанса. Здѣсь — чужіе другъ другу. Они — не община, а случайное собраніе въ храмъ Христовомъ. Давно, давно цѣловались другъ съ другомъ: сначала безъ различія половъ, а потомъ мужчины съ мужчинами, и женщины съ женщинами, чтобы къ чистотѣ братской любви не примѣшивался эгоизмъ поло-

выхъ вожделѣній, и въ томъ и другомъ случаѣ засвидѣтельствовали свое паденіе съ уровня первохристіанской любви, паденіе общиннаго уклада: во Христъ Іисусъ „нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго: ибо всѣ—одно“ (Гал. III, 28), и если поцѣлуй любви различаетъ полъ, просматривая въ немъ облекшагося во Христа (ср. 27 ст.) брата, онъ является поцѣлуемъ Іуды, предающимъ Христову любовь во имя своихъ интересовъ; если же поцѣлуй любви совершенно исчезаетъ изъ общенія христіанъ въ храмъ любви—въ храмъ Христовъ, то это знаменіе того, что и въ жизни христіанъ оскудѣла братская любовь во Христъ, что нѣтъ христіанской общины, что она уступила мѣсто обычному обществу естественнаго человѣка: „аще цѣлуете други ваша токмо, что лишше творите; не и язычницы ли такожде творять“ (Мѣ. V, 47). Теперь отъ этой свѣтлой давности осталась лишь демонстрація любви при соборномъ служеніи и драматическое дѣйство любви въ Великій Четвергъ. Но и пресвитерское взаимное лобзаніе и омовеніе ногъ „по обычаю“ самое большее демонстрируютъ урокъ исторіи, который даже до сего дня незатвержепъ всѣми христіанскими обществами до государствъ включительно. Въ этомъ ихъ объективная археологическая цѣнность. Если смотрѣть на эти священныя демонстраціи съ точки зрѣнія христіанской общественности, то онѣ лишь служатъ характерными показателями того, что было и—увы!—ужь нѣтъ, и отнюдь не выражаютъ той любви, которою были связуемы Христосъ и Его ученики и силою которой сформировалась первохристіанская община. Нѣтъ любви—нѣтъ живого общенія, невозможна христіанская организація, немислима христіанская община. Епископъ, омывающій ноги пресвитеровъ, и епископъ, заключенный въ карету-тюрьму въ обстановкѣ чиновника первыхъ классовъ, чтобы пресѣчь всякую жизненную связь съ нимъ клира и мірянъ! Не звучитъ-ли это ироніей? Не умысль-ли это зла, разобщающаго святыхъ, чтобы господствовать раздѣленіемъ? Не издѣвательство ли государства надъ высокимъ положеніемъ преемника апостольскихъ полномочій?.. Омовеніе ногъ—это судъ совѣсти надъ жизнью не по любви Христовой и печальный укоръ государству, возвеличившему „по своему“ Церковь, затѣнивъ ея святое величіе и парализовавъ ея нравственную мощь. Но государство не понимало этого укора. Оно всегда

было слишкомъ обрядовѣрно, чтобы въ красивой демонстраціи любви услышать вопіющій гласъ протеста всему своему укладу. Мало того, оно само демонстрировало священный обрядъ своего послушанія любви Христовой: въ былые времена византійскіе императоры умывали ноги избраннымъ нищимъ Константинополя. Дальше этого государство не пошло. Дѣло оканчивалось красивой демонстраціей. Государство не перестраивалось по духу Христовой любви, господствовало, преобладало и *не служило вѣсьмъ смиренною любовью Христа*. Правда, оно какъ будто шло за Нимъ милосердіемъ къ нищимъ. Но такъ какъ милосердіе къ нищимъ застыло въ фазѣ благотворительности и государство не обнаружило стремленія „быть вмѣстѣ“ съ нищими и имѣть съ ними „всеобщее“, то исчезъ изъ милосердія и духъ живой любви Христовой и оно превратилось въ обрядовое приличіе государственной нравственности. Омовеніе ногъ и было соответствующимъ такому нравственному порядку государства: какъ бы увѣнчивало его красивою игрой. Что государство исповѣдывало фактически, то оно оставляло и въ удѣлъ опекаемой имъ Церкви Христовой: милосердіе и обрядовыя церемоніи. Сила государства была и есть въ стихійномъ эгоизмѣ чловѣка, въ стихійномъ стремленіи называть „своимъ“ все, что возможно усвоить, что въ его личной власти, въ его личномъ преобладаніи. Уважая собственное насиліе, чловѣкъ уважаетъ насиліе вообще. Такъ наряду съ ничтожною собственностью вырастаетъ чудовищное преобладаніе государства, чудовищное насиліе надъ христіанскою совѣстью. Сила государства въ стяжаніи: здѣсь у каждаго „имѣніе“ и каждый называетъ его „своимъ“. Христова сила—въ отреченіи отъ своего во имя любви къ ближнему, въ обществѣ первыхъ христіанъ „никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“ (Дѣян. IV, 32): у каждаго была собственность, но онъ усвоилъ ее не себѣ, а вѣсьмъ и доказывалъ это дѣломъ, когда выяснялась общественная пужда, или просто въ порывѣ любви къ братству во Христѣ (Дѣян. III, 45; IV, 36—37). И такъ какъ сердце чловѣка тамъ, гдѣ его сокровище (Мч. VI, 21), то у государства не было и не могло быть ни единой души, ни одинаго сердца, тогда какъ „у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“ (Дѣян. IV, 32). Ясно, что государство не было

христіанской организаціей, а христіанская община не могла быть государственной. Христіанское государство или государственное христіанство—сплошное извращеніе духа жизни во Христѣ: если государство христіанское, то оно уже не государство, а Христово царство, организація жизни по типу первохристіанской общины, и если христіанство—государственное, то оно уже не есть христіанство, а простое приспособленіе къ нуждамъ государства или, что тоже, извращенное христіанство. На лицо дилемма: царство Христово или государство. Невозможенъ союзъ. Невозможна и полная изолированность. Одно изъ нихъ должно быть поглощено другимъ. Единство человѣчества требуетъ и *единой общественности, единой организаціи жизни*. Тренія должны быть уничтожены. Двухъ организацій быть не можетъ. А христіанство есть прежде всего организація жизни по духу Христовой любви, влекущей каждаго другъ къ другу, ко всемъ. Организуясь же въ этомъ духѣ, христіанство—немигнуемо должно было перестроить все государство по типу первохристіанской общины. Государству оставалось или подчиниться, ликвидируя свое преобладаніе, или гнать Христову Церковь. Государство предпочло послѣднее. Открытое гоненіе не могло быть продолжительнымъ въ интересахъ самого государства: первохристіанская община была „въ любви у всего народа“ (Дѣян. II, 47). она говорила его здоровому инстинкту, она внушала ему живую правду жизни, правду взаимной любви, она могла преодолѣть весь укладъ народнаго міросозерцаія, внушеннаго государственнымъ воспитаніемъ. Открытыя гоненія были вредны: они еще болѣе подчеркивали правду христіанства... Тогда государство устроило Церкви Христовой почетный плѣнь: ей дана *свобода отъ открытыхъ гоненій*, свободная, декоративно-почетная и почти до нашихъ дней предпочтительная другимъ религіознымъ организаціямъ жизнь, жизнь литурга, моралиста и благотворителя, но *безъ свободы сьорганизовывать христіанъ*—безъ свободы перестраивать самую жизнь государства. Въ частности у насъ на Руси съ тяжелой руки Петра I государство уже не считается съ канонами Христовой Церкви, забыло по отношенію къ ней всякую деликатность и безцеремонно организуетъ ее, какъ одно изъ своихъ вѣдомствъ. Синодальный періодъ церковной исторіи, періодъ униженій, оскорбленій и пограній Хри-

стовой правды, есть блестящее подтвержденіе высказанной нами мысли, что государство и Христова Церковь не могут существовать совмѣстно, не поглощая другъ друга. Съ Петра I государство поглощаетъ Церковь: это періодъ ея темничныхъ узъ. Точнѣе, это даже Голгофа Церкви, періодъ постепеннаго распятія жизни во Христвъ Иисусъ. Адь не одолѣеть. Въ этой вѣрв—вся сила сопротивленія злу: „Слово Божіе не вяжется“ (2 Тимѣ. II, 9), „потому что оно есть сила Божія“ (Р. I, 16). Оно оглашаетъ всю вселенную; нудится въ христіанскихъ совѣстьяхъ, какъ капля камень долбитъ государство, внушая ему самоотреченіе по духу Христову. Въ этомъ именно положеніи благовѣствующей странницы, не имѣющей на землѣ пребывающаго града организованной по Христу жизни, и застають Христову Церковь текуція событія, что даетъ намъ полное право возвратиться къ исходному положенію: пока церковная жизнь не организована по образу первохристіанской общины, между христіанами нѣтъ живого общенія во Христвъ Иисусъ, нѣтъ и христіанской общенности; поэтому и *богослуженіе христіанское по духу Христовой любви нельзя назвать общественнымъ*, а оно должно быть именно такимъ *по самой идее согласованной молитвы о всякомъ дѣлѣ на землѣ* (ср. Мѣ. XVIII, 19—20) *въ общемъ собраніи во имя Христово...* Реформаторы православнаго богослуженія, прежде всего сдѣлайте это богослуженіе общественнымъ, устраните недостатокъ въ самой организаціи идущихъ на молитву православныхъ: тогда и только тогда соберутся на молитву живые во Христвъ и будутъ нѣтъ живую нѣснь живому Богу.

Какъ же быть? Мы подошли къ огромному вопросу практическаго разрѣшенія богослужебной реформы. Наша же задача—болѣе скромная: указать на то, что *уже было* въ условіяхъ живого общенія во Христвъ Иисусъ, на живое богослуженіе живыхъ христіанъ первохристіанской общины, и что всегда возможно въ условіяхъ истинной христіанской любви... Впрочемъ, наше сердце на столько на сторонѣ первохристіанскаго богослуженія, что на вопросъ „Какъ же быть?“ мы съ своей стороны готовы не задумываясь отвѣтить: такъ, какъ уже было. А было вотъ какъ. Увѣровавшіе во Христа собирались по домамъ (Д. II, 46) Чьи они были? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ слѣдующій фактъ: освобожден-

ный изъ темницы Ангеломъ апостоль Петръ „пришелъ къ дому Маріи, матери Іоанна, называемаго Маркомъ, гдѣ многіе собрались и молились“ (Д. XII, 12). При этомъ не слѣдуетъ забывать, что у собиравшихся на общую молитву „было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“ (Д. IV, 32). Другими словами домъ Маріи-христіанки принадлежалъ тѣмъ самымъ и всѣмъ собравшимся. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ домами—первохристіанскими общинами. Къ нимъ-же, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести и такъ называемыя „домашнія церкви“, о которыхъ упоминаетъ ап. Павелъ (Р. XVI, 3, 4 ср. I Кор. XVI, 19; Кол. IV, 15; 2 Тим. IV, 19; Фм. I, 2). Домашнія церкви были и первохристіанскими храмами, сообщая литургическое значеніе и тѣмъ домамъ, гдѣ они общались и молились. Почему и нынѣ нужно возвратиться къ молитвеннымъ собраніямъ по домамъ—общинамъ? Потому что нужно начинать съ апостольскаго почина созиданія жизни во Христѣ Иисусѣ. Такой починъ съ Божей помощью подъ руководствомъ пастырей апостольскаго пламенѣнія могутъ сдѣлать нѣкоторыя, немногіе. Но очень трудно надѣяться, чтобы весь приходъ въ извѣстномъ смыслѣ этого слова, группирующійся около современнаго храма, вдругъ перестроился по типу первохристіанской общины. Въ нѣкоторомъ отношеніи современный храмъ напоминаетъ храмъ ветхозавѣтный: тамъ собирались евреи, самаряне, язычники и христіане, храмъ символизировалъ единство грядущаго теократическаго царства; однако не было у нихъ одного сердца, потому что не было единой жизни въ Богѣ. Такъ и въ современномъ христіанскомъ храмѣ собирается вся классовая и капиталистическая рознь внѣ общенія жизнью по духу Христову, которое даже не предметъ церковной проповѣди, а лишь идеаль христіанской этики... И со всѣхъ ликовъ смотритъ святой укоръ обрядовому лицемѣрью. Конечно, и это собраніе нельзя лишить оглашеній Христовой истиной. Пусть красуются храмы Божіи, какъ монументальная проповѣдь: *всѣмъ быть вмѣстѣ и имѣть все общес.* Пусть къ тому-же призываютъ и богослуженіе и проповѣдь, взывая и вопія къ совѣстямъ человѣческимъ, что всѣ мы *одинъ духъ* во Христѣ Иисусѣ и потому должны быть *однимъ тѣломъ*, за-

боятся другъ о другѣ въ samozабвеніи любви. Но было-бы вполне наивнымъ ожидать, чтобы все современное собраніе храма вдругъ перешло на положеніе первохристіанской общины. Если-бы оно перешло на такое положеніе въ экономическомъ и правовомъ отношеніяхъ путемъ социалистическаго государства, оно можетъ быть и имѣло-бы тѣло первохристіанской общины, но было-бы лишено ея духа жизни, духа свободной любви до samozабвенія, духа Христа Господа на Тайной вечери у ногъ Своихъ учениковъ. Вотъ почему мы ожидаемъ возрожденія первохристіанской общины изъ пѣдръ самой Церкви Христовой. И здѣсь намъ прежде всего предложатся домашнія церкви—храмы, какъ наиболѣе возможное обобщеніе живыхъ во Христѣ людей. Пусть всего двѣ—три семьи. Нѣсколько зернышекъ. Но такъ какъ эти сѣмена упадутъ на пшву сердець, вспаханныхъ тою любовью, которою любилъ Самъ Христось, то и всходы будутъ большіе. Найдутся такіе, которые подобно Варнавѣ положить къ ногамъ такого общества свою собственность (ср. Д. IV, 36. 37). Найдутся и такіе, которые оставаясь собственниками будутъ называть свои имѣнія общинами, ища въ нихъ не своей, но общей пользы, чтобы „не было между ними никогда нуждающагося“ (ср. ст. 32. 34). И будетъ такое живое во Христѣ общество единымъ тѣломъ единой души, воодушевленной Христовой любовью. Оно именно и будетъ истиннымъ собраніемъ во имя Христово, среди котораго несомнѣнно будетъ Христось и молитва котораго, какъ молитва объ общемъ на землѣ дѣлѣ, несомнѣнно будетъ исполнена (ср. Мф. XVIII. 19. 20). Только молитва такихъ христіанъ будетъ общею. Только богослуженіе такихъ христіанъ будетъ общественнымъ, исполненнымъ той первохристіанской силы, „когда по молитвѣ ихъ поколебалось мѣсто, гдѣ они были собраны, и исполнились всѣ Духа Святого, и говорили слово Божіе съ дерзновеніемъ“ (Д. IV, 31). И эти, живые во Христѣ, не порвутъ съ православнымъ храмомъ и православнымъ богослуженіемъ: влеченіемъ любви, ищущей общаго объединенія, они устремятся сюда, какъ первые христіане въ притворъ Соломоновъ. Тамъ они были „въ любви у всего народа“ (Д. II, 47) и „народъ прославлялъ ихъ“ (V, 13). Здѣсь несомнѣнно повторится тоже. И тогда Господь будетъ прилагать и къ нимъ возлюбившихъ много (ср. II, 47) и будетъ ихъ

„мужество мужчинъ и женщинъ“ (ср. V, 14). Такъ силою внутренней правды возродится и умножится первохристіанская община. Она вольется въ православный храмъ, какъ струя живой воды. Она ворвется въ него, какъ бурное дыханіе жизни. Храмъ оживетъ и обновится. Богослуженіе найдетъ свое жизненное продолженіе. Что въ условіяхъ живой любви иначе быть не можетъ, это докажетъ намъ богослуженіе первохристіанской общины.

Первые христіане „постоянно пребывали въ ученіи Апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ“: каждый день „преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога“ (Д. II, 42. 43. 46. 47). Согласно этому свидѣтельству, самостоятельное богослуженіе домашней церкви состояло изъ общенія, преломленія хлѣба и хвалы. Ученіе апостоловъ, о которомъ не упоминаетъ ближайшій контекстъ рѣчи, повидимому, падаетъ на то время дня, когда христіане были въ притворѣ Соломоновомъ. Выше мы уже говорили о предваряющемъ богослуженіе общеніи первыхъ христіанъ во всей полнотѣ его конкретнаго смысла. Намъ остается сказать о самомъ богослуженіи: о преломленіи хлѣба и о молитвахъ... Когда мы вкушаемъ хлѣбъ или пьемъ вино, думаемъ-ли мы о Господѣ напемъ Исусѣ Христѣ и о Его любви къ намъ? Исполняемъ-ли мы заповѣдь Христову поступать именно такъ „всякій разъ“, когда ѣдимъ хлѣбъ и пьемъ чашу (ср. 1 К. XI, 26)? Или всѣ мы на положеніи согрѣшившихъ противъ тѣла и крови Христовыхъ и кающихся? отлученныхъ отъ вечери Спасителя, чтобы приступить къ ней единожды въ годъ и рѣже послѣ особой (и очень сомнительной!) дисциплины самоиспытанія (ст. 28. 29)? Есть-ли у насъ при этомъ хотя маленькое движеніе той любви, по которой Христосъ всталъ отъ вечери и началъ умывать ноги Своимъ ученикамъ? Но гдѣ они, эти ученики? Дѣти-ли наши, которыхъ намъ некогда воспитывать?! Слуги-ли, въ душу которыхъ мы не привыкли заглядывать, совершенно забывая, что онъ не только слуга, но и братъ нашъ возлюбленный (ср. Фм. I, 16)?! Не сами-ли мы, которымъ еще надлежитъ испытать себя, во Христѣ-ли мы или только такъ называемся?! Есть-ли за нашими трапезами стремленіе къ воздержанію ради любви къ ближнимъ: чтобы всѣ были сыты,

чтобы немущіе не были унижены (ср. I К. XI, 22), или отъ времянь древнихъ повторяется печальный фактъ: „иной бываетъ голодень, а другой упивается“ (ст. 21)! Да и можетъ-ли быть иначе, если отсутствуетъ самое стремленіе *быть въсьмь вмѣстѣ и имѣть все общее?*! если подъ нашимъ кровомъ не животворится домашняя церковь, организующаяся въ живую общину?! если наши семейные очаги—не алтари Христовой любви?! Первохристіанская трапеза—это фактическое измѣненіе устарѣвшихъ возлѣ эгоизма основъ жизни, уравниеніе всякаго неравенства, союзъ совершенной любви до самозабвенія, до положенія своего имущества и даже души своей за ближнихъ своихъ. Вотъ почему въ своей первоначальной чистотѣ она была неразрывно связана съ вечерей Христа, являясь ея непрерывнымъ продолженіемъ и воспоминаніемъ. Разобщеніе евхаристіи и трапезы есть прежде всего печальное знаменіе уклоненія жизни отъ пути Христова: не вмѣщая любви Христовой, жизнь отмежевалась отъ евхаристіи обрядовымъ приличіемъ: почему не повоздыхать единожды въ годъ и рѣже и не принять залога вѣчной жизни, чтобы позабыть о ней на слѣдующій же день по немощи плоти?!... Такъ самъ собою наладился компромиссъ лицемѣрія. Съ тѣхъ поръ донинѣ христіанство, какъ общество, живетъ самообманомъ и долготерпѣніемъ Христа, ожидающаго возврата къ первымъ днямъ любви. Съ тѣхъ поръ донинѣ положеніе евхаристіи въ жизни христіанъ слѣдуетъ признать вполне ненормальнымъ. Жизнь сдѣлала все, чтобы прославить евхаристію. Сокрыла ее съ глазъ высокимъ иконостасомъ, предоставивъ тайнодѣйствовать и причащаться одному священству; отказалась выслушивать почти весь канонъ литургіи, въ которомъ такъ ярко выражены порывъ любви и благодаренія, обративъ его въ тайное моленіе священника; себя же жизнь перевела на положеніе оглашенныхъ, загромоздивъ путь къ евхаристіи обрядами и молитвами даже вопреки логикѣ, такъ что священникъ, предстоя престолю отъ начала литургіи, по смыслу молитвъ трижды приступаетъ къ святой трапезѣ... Но, вотъ, святая чаша предъ взорами всѣхъ. Тайно и явно священникъ молился отъ лица всѣхъ, отъ лица всѣхъ готовился къ святому насыщенію любовью Христа. Самъ Христосъ, какъ краснорѣчиво гласитъ тайная молитва, преподаетъ свою ве-

черю ему, а его рукою и всѣмъ, совершившимъ евхаристію устами своего предстоятеля: „Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите!..“ Ожидаютъ священникъ и диаконъ. Смотритъ Самъ Христосъ... И никто не приступаетъ, потому что никто не живетъ евхаристіей — никто не вѣритъ въ любовь Христову. Полу-поклонъ приличія — вотъ весь отвѣтъ на зовъ Христа. Такъ въ литургіи. Такъ и въ жизни—что-то въ родѣ любви или что-то взамѣнъ любви: Богу — храмы, живописи, дорогое дерево, серебро, золото и мѣдь, свѣчи и ладанъ, парча и все, что такъ аналогично великолѣпію земныхъ владыкъ, и гроши милосердія, крохи благотворительности нищимъ, униженнымъ и оскорбленнымъ, наполняющимъ притворъ, самымъ положеніемъ своимъ въ храмѣ какъ бы выброшеннымъ изъ среды христіанъ на дворъ язычниковъ, воровъ, убійць, прелюбодѣевъ только потому, что они нищие. Въ Вѣтомъ Завѣтѣ душа Бога возненавидѣла ветхозавѣтный храмъ и вопила устами пророка: „Сынъ, дай мнѣ твое сердце!“ Жутко становится, когда начинаешь прозрѣвать, что и современное богослуженіе повернуло на тотъ же путь; жутко становится, когда на любовь Христову отвѣчаютъ лишь обрядовымъ приличіемъ, откланиваясь на каждый призывъ къ святой чашѣ. „Сынъ мой, дай мнѣ твое сердце!“ какъ будто и теперь слышится голосъ пророка... Впрочемъ, и здѣсь не безъ исключеній. Нищему эти строки известны своеобразные люди: они жаждутъ начать каждый день вкушеніемъ евхаристіи и достигаютъ этого съ большимъ усиленіемъ: прогоняютъ въ одномъ храмѣ — бѣгутъ въ другой, пока не найдутъ добраго пастыря, который пойметъ ихъ любовь къ Христу и допуститъ до чаши. Не трагизмъ-ли это въ положеніи евхаристіи?! Жизнь отъединила евхаристію и іерархію, отмежевалась отъ нихъ многими средостѣніями. Теперь іерархія не узнаетъ жизни, которая хочетъ возвратиться къ первохристіанскому быту. Всякое движеніе въ этомъ направленіи берется подъ подозрѣніе, какъ ханжество, сектанство, гибельная прелесть и даже сумасшествіе. Клиръ привыкъ къ пустому амвону предъ чашей, вопіющей о любви. Клиръ въ страхъ, если это мѣсто заполняется живыми людьми. Такое положеніе не можетъ продолжаться. Обрядъ долженъ быть выраженіемъ жизни, языкомъ любви. Храмъ долженъ быть не только церковной школой, гдѣ

слушают уроки истории христианской молитвы и учатся молиться, но и мѣстомъ, гдѣ можетъ свободно молиться живая любовь: чтобы быть въ храмѣ означало: всѣмъ вмѣстѣ быть, всѣмъ вмѣстѣ молиться объ общемъ дѣлѣ, всѣмъ вмѣстѣ участвовать въ евхаристіи, общаться взаимною любовью за трапезой Христа. Проявлять такую заботливость о точномъ исполненіи многосложнаго церемоніала надъ приготовленіемъ евхаристійнаго хлѣба и отнимать у Христа тѣхъ, кого Онъ такъ возлюбилъ, кому отдаетъ всего Себя и кто самъ жаждетъ возобновить общеніе съ Нимъ въ тайнѣ Его вечери, какъ бы окрыляться любовью отъ Его любви, — это или недоразумѣніе или преступленіе противъ Бога и тѣхъ, кого Онъ хочетъ спасти Своею любовью. Многое можно бы сказать въ защиту этого положенія, проанализировать подъ этой точкой зрѣнія всю литургію. Но и сказаннаго достаточно для нашей цѣли — подчеркнуть ненормальность сложившагося положенія евхаристіи и выдвинуть вопросъ о необходимости возвратитъ ее къ исходному историческому положенію на богослуженіи первыхъ христіанъ. И нынѣ евхаристія должна быть повседневнымъ насыщеніемъ, повседневнымъ христіанскимъ богослуженіемъ. Возвратите жизни Христа: возвратите ее къ свѣтлымъ грезамъ о Христѣ, къ радостному воспоминанію о Немъ, возвратите повседневному быту, въ которомъ чертвьѣтъ человекъ, радость евхаристіи. Не бойтесь упрощенія торжественнаго церемоніала: страшна не простота: ужасна самая торжественность, съ которою одиноко возвышается чапа любви предъ лицомъ не приступающаго къ ней народа. И не только не бойтесь, но радуйтесь. Радуйтесь тому, что ваша свѣтлая горница преобразится въ алтарь. Радуйтесь тому, что ваша трапеза будетъ престоломъ. Радуйтесь тому, что воцерковится и одухотворится вашъ повседневный бытъ, что подъ кровомъ вашимъ благоухаетъ любовью домашняя церковь, что вы будете жить Христомъ, а Христосъ будетъ среди васъ, въ вашей повседневной жизни, благословляющимъ и радующимся торжеству любви... Здѣсь мудрые практики забросаютъ вопросами. Но, увя! Нишущій эти строки живетъ идеей, онъ вѣритъ въ любовь, въ ея творческій гений, въ ея организационную силу и въ ея конечное торжество. На всѣ вопросы онъ отвѣтитъ утвержденіемъ, что совершеніе евхаристіи по духу апостольскихъ

христіанъ возможно лишь въ условіяхъ живой любви: ее можетъ совершать только домашняя церковь, связуемая союзомъ совершенной любви между собою и съ живымъ вѣчнымъ Христомъ. Такія организациі могутъ возникнуть прежде, чѣмъ современный приходъ перестроится въ перво-христіанскую общину. Да и перестроится ли онъ по Христу?! и скоро ли это будетъ?! и будетъ ли, если не сама любовь путеводитъ его организацию?... До тѣхъ же поръ та евхаристія, которая совершается въ современныхъ храмахъ, будетъ лишь гласомъ, вопіющимъ въ пустыцѣ жизни о любви, которой нѣтъ, потому что оскудѣла. Возможно, правда, достигнуть того, что за каждой литургіей будутъ причастники и это тѣмъ болѣе, что многіе жаждутъ повседнежнаго причащенія, тогда какъ множество уклоняется отъ частаго приближенія къ святой чашѣ по недоразумѣнію, боясь оскорбить св. причастіе. И все-таки это личное постиженіе любви Христовой — не апостольская евхаристія: многіе — не всѣ и даже всѣ — не есть еще организациі жизни, если же жизнь не организуется ко Христу, не облачается въ свѣтлую ризу Его любви, то духъ жизни, который въ евхаристіи, не дѣйствуетъ въ тѣхъ, которые приняли ее, или не пламенѣютъ, пассивно ожидая отъ самой евхаристіи какой-то магической силы въ помощь инстинкту животнаго самосохраненія, въ помощь темнымъ силамъ вѣка сего. Не чувствуется ли въ этомъ весь ужасъ современнаго отношенія къ величайшему таинству Христовой любви?!. Спасая положеніе нужно спѣшить организацией тѣхъ, въ комъ еще живетъ Христось, кто грезитъ о живомъ братствѣ, жаждетъ живого общенія, кто изстрадался подъ гнетомъ лицемѣрія и лжи, кто не можетъ не думать о Христѣ, вкушая хлѣбъ на своей трапезѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ средѣ такого братства повторится то, что было въ дни св. апостоловъ, когда „преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога“ (Д. II, 46, 47).

Хвала и молитвы апостольской литургіи—вотъ послѣднее поученіе нашимъ днямъ въ интересахъ богослужебной реформы. Разъясненіемъ этой части апостольскаго богослуженія можетъ служить то описаніе, которое мы находимъ у ап. Павла въ его посланіи къ Коринѣянамъ и о которомъ онъ говоритъ: „Такъ бываетъ во всѣхъ церквахъ у святыхъ“ (I

К. XIV, 33). Отсюда мы узнаемъ, что всюду богослуженіе было „благообразно и по чину“ (ст. 40). Если бы мы представили это благообразіе по аналогіи съ дѣйствующимъ у насъ Уставомъ, мы впали бы въ глубокое заблужденіе, потому что въ тѣ дни нечего было регламентировать, потому что не было готоваго богослужебнаго матеріала, исключая развѣ Давидову Псалтирь. Внутренняя дисциплина любви ко всѣмъ собравшимся на молитву—вотъ чинъ богослуженія первыхъ церквей. Разнообразіе личныхъ постиженій Божественной любви, какъ коверъ цвѣтовъ на чудномъ дугу, благоухающихъ и пестряющихъ къ общему наслажденію—вотъ истинное благообразіе церковнаго богослуженія первыхъ христіанъ: „Когда вы сходитесь“, говоритъ о нихъ апостолъ Павелъ, „и у каждаго изъ васъ есть псаломъ, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе“, и прибавляетъ: „все сіе да будетъ къ назиданію“ (1 К. XIV, 26). Что за богатство духовныхъ дарованій?! Что за зрѣлище неизреченной красоты?! Духъ Божій, говорящій Церкви многообразнымъ языкомъ человѣческихъ личностей!! Здѣсь каждый отказался отъ своего во имя общаго блага, а Духъ Божій каждому даетъ взамѣнъ свое, свою собственность, ему одному присущую духовную цѣнность, и отъ этого только уютіе, только жизнерадостіе въ общемъ собраніи живыхъ во Христѣ: цвѣтами радуги расцвѣтилось оно подъ Солнцемъ любви, созидавая другъ друга во славу Господню... Вотъ поученіе всѣмъ современнымъ христіанамъ: необходимо не только общее участіе въ богослуженіи, но сознательное и активное совершеніе его всѣми; необходимо, чтобы и въ наши дни былъ свой псаломъ, свое поученіе у каждаго, переступающаго священныи порогъ храма, но чтобы все „свое“ было къ общей пользѣ и радости. Таковы ли современные христіане? На уровнѣ ли первыхъ христіанъ? Готовы ли они къ такой реформѣ? О всѣхъ христіанахъ не говоримъ. Пишущій эти строки встрѣчалъ любящихъ Христа до вдохновенія, до живого псалмопѣнія, достойнаго того, чтобы быть церковнымъ назиданіемъ. Что же касается современнаго прихода, то — увы! — онъ въ цѣломъ далекъ еще отъ такой любви. Народъ почти безучастенъ ко всему, что совершается въ храмѣ. Самое большее онъ—на религіозномъ зрѣлищѣ, на впечатлѣніи отъ котораго онъ реагируетъ по

обычаю христіанскаго обряда: крестнымъ знаменіемъ, поклономъ, преклопеніемъ. И хорошо знающему и понимающему богослуженіе легко замѣтить почти полное несоотвѣтствіе всего этого тому, что въ это время совершается въ храмѣ. Очевидно пародъ совершаетъ, собственно, свою молитву, совершенно случайно совпадающую со смысломъ отправляемаго богослуженія. И это такъ понятно! Вѣдь чтець *не слышно для всего народа* вычитываетъ богослуженіе, положенное на его долю. Ликъ выцѣваетъ свое, совершенно не заботясь о томъ, понимаетъ ли народъ смыслъ пѣсни и молится ли онъ подъ эту пѣсню. Хорошо еще, если онъ доставляетъ музыкальное наслажденіе. Но—увы!—чаще всего это плохое подражаніе нецерковному искусству. И сколь-бы прекраснымъ ни было это музыкальное средостѣніе между сердцемъ народнымъ и Богомъ живымъ, все же оно—средостѣніе и ему не мѣсто въ храмѣ живой молитвы... Однако мы не противъ христіанской пѣсни: „буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ“ (1 К. XIV, 15). Не только молились, но и пѣли первые христіане. Но тотъ хоръ былъ народный, какъ часть самой церкви, поющей Христу живою любовью. Онъ пѣлъ духомъ: былъ хоромъ харизматическимъ, хоромъ свободнаго вдохновенія. И, что особенно отвѣчаетъ любви во Христѣ, онъ пѣлъ и умомъ, т. е. къ назиданію Церкви (1 К. XIV, 19, 12). Но это — хоръ будущаго, хоръ живыхъ во Христѣ людей, хоръ новаго храма Богу любви. Современный же хоръ былъ и есть средостѣніе жизни, колыбельная пѣсня жизни — любви... И сладко, сладко засыпаетъ за этимъ богослужебнымъ пѣніемъ народъ христіанинъ, чтобы продолжить свой сонъ жизни и за порогомъ храма. Чтець — свое, пѣвецъ — свое, а іерей и епископъ — свое: вычитываютъ только имъ присущее тайное богослуженіе, общась съ народомъ отдельными возгласами (не всегда въ согласіи съ логикой) и, чаще всего, придаточными предложеніями. И даже „аминь“ говорить не стоящій на мѣстѣ простолюдина. Невольно вспоминаются слова ап. Павла: „если ты будешь благословлять духомъ, то стоящій на мѣстѣ простолюдина какъ скажетъ: „аминь“, при твоёмъ благодареніи? Ибо онъ не понимаетъ, что ты говоришь“ (ст. 16). На томъ же положеніи и современный приходъ: онъ входитъ въ храмъ, вематривается, вслушивается, все по отношенію къ нему *внѣшнее* далекое

на незнакомомъ и даже на неслышномъ языкѣ... Можетъ ли онъ, если бы ему это и было дано, сказать по совѣсти „аминь“ на молитву или благодареніе священника?!.. Иерархія — въ роли таинственного средоствiя между Богомъ и народомъ! Чтецы и пѣвцы — въ роли средоствiя по долгу службы, изолирующіе богослуженіе, укрѣпляющіе разрывъ между нимъ и жизнью прихода! И, наконецъ, средоствiе иконостаса, возвратившаго священную трапезу Христовой любви въ положеніе ветхозавѣтнаго „Святое Святыхъ“, порвавшаго живую связь съ народомъ евхаристіи, какъ дара жизни отъ руки народа, дара любви и благодаренія, чрезъ который онъ входитъ въ живое и таинственное общеніе со Христомъ и другъ съ другомъ... Духъ жизни - любви за тремя стѣнами обрядового величiя! И стѣны эти воздвигла сама жизнь въ мѣру оскудѣнія живой любви: оскудѣваетъ любовь и расцвѣтаетъ обрядъ, исчезаетъ духъ жизни и воздвигается великолѣпный храмъ. Точно такъ, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Забываются грозныя прещенія Бога, Который ненавидитъ обрядовѣріе. Повторяется исторія ветхозавѣтнаго храма. Только еще не пришелъ пророкъ, вопіющій какъ бы въ пустынь: „Сынъ мой, дай Миѣ твое сердце!..“ Вотъ этого-го сердца и недостаетъ современному приходу. Какъ быть?! Не поможетъ ли просвѣщеніе?! Не придетъ ли спасеніе отъ богословской науки?!.. Шире дверь просвѣщенію! Настежь двери передъ богословскою наукою!.. Пшущіи эти строки встрѣчали людей, аккуратно исполнявшихъ все обряды православной Церкви, но, когда пришлось заглянуть въ ихъ душу и обратиться къ ихъ религіозному сознанию, оказалось, что они пребывали въ невѣдѣніи того, кто былъ Христосъ и что Онъ сдѣлалъ, не говоря уже о сознательномъ отношеніи ко всему тому, что они принимали какъ обрядъ. Христіане ли это?! Не гробы ли безъ дыханія жизни?! Пусть не повторяется эта ужасная жизнь по инерціи. Шире просвѣщеніе! Пусть расцвѣтаетъ богословіе!.. И все же не съ этого конца нужно начинать: „Достигайте любви: ревнуйте о дарахъ духовныхъ“ (1 К. XIV, 1) — вотъ истинное начало богослужебной реформы, вотъ выходъ изъ тушика, въ которомъ очутилась современная христіанская жизнь: организуйтесь въ новые приходы по типу первохристіанской общины — по духу Христовой любви, полагайте живое начало

новому царству Христову. Тогда снова заестрять и заблагоухаютъ многообразныя дарованія духа. Только тогда живая школа родить живое и жизненное богословіе и свѣтъ Христовъ будетъ просвѣщать всѣхъ, всю общину, а не только нѣкоторыхъ. Тогда, быть можетъ, повторится тѣ счастливое время, когда и поселянинъ за плугомъ, и виноградарь въ саду своихъ лозъ, и ремесленникъ у своего станка пѣли псалмы и гимны, сплетая съ ними трудъ и радости и скорби. И, можетъ быть, прежде чѣмъ школы сдѣлаютъ свое дѣло, живые люди воздвигнутъ новый храмъ живому Богу и войдутъ въ него исполненные вдохновенья и молитвъ: и у каждаго изъ нихъ будетъ псаломъ, будетъ поученіе, будетъ языкъ, будетъ откровеніе, будетъ и истолкованіе (Ср. XIV, 26): заестрѣютъ, заблагоухаютъ въ порывахъ святыхъ вдохновеній подъ Солнцемъ Единой Любви. Живые люди будутъ совершать живое богослуженіе...

Мы за творческое начало въ самомъ исходномъ пунктѣ богослужебной реформы, безъ котораго она будетъ вращаться въ заколдованномъ кругу обрядовѣрія. Подчеркнуть эту мысль—задача настоящихъ строкъ.

Священникъ *Илія Гумилевскій*.
